

АЛЕКСЕЙ МИТРОФАНОВ

Со старшей сестрой по Москве

Алексей Митрофанов

Со старшей сестрой по Москве

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Со старшей сестрой по Москве / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907706-6

Ученик четвертого класса Илья Ушаков случайно оказывается со своей старшей сестрой Машей в самом центре Москвы. Прошлое родного города неожиданно захватывает его. А Маша только поощряет этот интерес — сама она студентка исторического факультета, и ей нравится новое увлечение младшего брата.

ISBN 978-5-44-907706-6

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Неожиданное откровение возле дома с пилястрами	6
Кот Матрос и напиток аршад	9
Лифт и его окрестности	13
Первый московский мегамолл	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Со старшей сестрой по Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-7706-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Неожиданное откровение возле дома с пилястрами

Однажды ученик четвертого класса Илья Ушаков возвращался со своей старшей сестрой Машей из гостей. Они были в гостях у тети, которая живет в самом центре Москвы, на улице со смешным названием Ленивка. Будто бы все, кто живет на этой улице, все время лентяят и ничего больше не делают. Только лежат на диванах, играют в игровые приставки и лизжут мороженое. Илья про себя так и называл эту родственницу – тетя Ленивка. Вслух он так говорить не решался – боялся, что родители рассердятся и перестанут обращать на него внимание. И Маша тоже перестанет. Они всегда так делают, когда сердятся. Не отругают, не отшлепают, не лишат сладкого, как других школьников, а просто так себя ведут, будто Илья – пустое место. Обидно – ужас как. Лучше бы, наверное, отшлепали.

А впрочем, и не нужно было называть тетю Ленивкой. Во-первых, у нее и так было смешное имя – тетя Женя. У них в школе Женей звали мальчиков, а тут вдруг тетя. Да и ленивой тетя Женя не была – все время куда-то ездила на своем джипе и с кем-то разговаривала по блестящему и явно дороговому смартфону. Илья знал, что у тети – бизнес. Именно благодаря бизнесу она смогла купить огромную квартиру на Ленивке.

Квартира Илье нравилась, а сама улица – не очень. И другие улицы рядом с Ленивкой – тоже. Дома там были маленькие, разноцветные, с какими-то дурацкими завитушками. То ли дело в Бескудникове, где жил Илья с родителями и Машей. Дома высокие, посмотришь снизу – голова закружится. Посмотришь сверху, из окошка – видишь маленьких смешных людишек, а над ними голуби летают. А ты выше всех. И завитушек на домах никаких нет, и цвет у всех одинаковый – красный, нарядный. Как флаги с лошадьё и всадником, которые по праздникам вывешивают. Илья прекрасно знал, что эта лошадь – герб Москвы. И гордился, что живет в доме того же цвета – как настоящий москвич.

– Машка, смотри, – сказал Илья, когда они с сестрой подошли к станции метро «Кропоткинская». – Вот что это за дом дурацкий? Всего три этажа, в подъезде нет железной двери с домофоном, никаких магазинов на первом этаже, цвет не яркий какой-то, зато между окнами доски прилеплены. Для чего эти доски?

Маша в этих делах разбиралась неплохо. Она училась в институте, на историческом факультете. Увлекалась и архитектурой, и историей Москвы.

– Это не доски, – улыбнулась Маша, – а пилястры. Что-то наподобие колонн, они поддерживают дом, чтоб тот не рухнул.

Илья окончательно возмутился:

– Три этажа, и пилястры нужны, чтоб не рухнул? Да у нас дом – двадцать два этажа, и стоит без пилястров дурацких.

– Так ведь наш дом построен в двадцать первом веке, – ответила Маша. – А этот в восемнадцатом. Тогда еще не научись строить высокие дома и без таких подпорок.

– Что они все дураки что ли были в восемнадцатом веке? – не понял Илья. – И когда это было вообще – восемнадцатый век?

– Нет, глупыми они, конечно, не были. Просто многие вещи тогда еще не изобрели. Вот ты сам помнишь, что еще недавно интернет в мобильнике был медленный. А сейчас быстрый. Просто тогда, несколько лет тому назад, еще не умели делать в мобильнике быстрый интернет. Только недавно научились. А еще раньше и мобильных не было. И интернета не было. И компьютеров не было. И метро не было. И самолетов не было. И машин не было. И высоких домов не было.

– А что тогда было?

– А было тогда все по-другому, – сказала Маша и мечтательно задумалась. Маша испытывала совершенно непонятную любовь к тому времени, когда ничего хорошего не было. Соб-

ственно из-за этой любви она и поступила на исторический факультет. Маша часто говорила слово «прошлое». В этом машинном «прошлом» существовали какие-то странные вещи – честь, нежность, романтика, изящество, жертвенность. Илья часто слышал от Маши такие слова, видел, с каким удовольствием сестра произносила их, и привык думать, что в том прошлом все было гораздо лучше, чем сейчас. Только дома были хуже и ниже. И вдруг выяснилось, что в этом прошлом вообще ничего интересного не было.

– То есть, как? – не понял Илья. – Ни в игру поиграть, ни музыку послушать, ни в гости съездить, ни письмо послать по почте? Может, и гимназий не было?

– Нет, все было, только по-другому. В игры играли без компьютера, музыку слушали без электричества, письма писали на бумаге от руки, в гости ездили в извозчицких каретах, в которые запрягали лошадей. А вот гимназии с тех пор почти не изменились. И первая московская гимназия, можно сказать, самая главная, располагалась как раз в этом доме с пилястрами. Она первое время была единственная на весь город.

Илья еще больше растерялся. Какие-то извозчицкие кареты, письма от руки. А главное – вот этот бледный дом, в который со всей Москвы съезжаются в загадочных извозчицких каретах школьники и гимназисты из Бескудникова и других районов. Как рано утром все здешние улицы и переулки заполняют мальчики и девочки с разноцветными рюкзаками. Как они пихаются, пытаются протиснуться в маленький трехэтажный дом. Но все равно там всем не хватит места. И большинство уедет на извозчицких каретах по домам, так и не побывав в гимназии. Родители попросят показать дневник с отметками – а там ничего нет. Они поймут, что их ребенок прогулял гимназию, страшно рассердятся и перестанут его замечать. А ведь он не виноват!

Илья даже затрясся от такой несправедливости. И рассказал все Маше.

– Не расстраивайся, – успокоила его сестра. – Во-первых, Москва была тогда гораздо меньше. Во-вторых, не так уж много родителей стремилось отдавать своих детей в гимназию. Богатые нанимали им домашних учителей. А бедным ни к чему было учиться – они работали дворниками, сапожниками, продавцами – им достаточно было всего лишь научиться считать. А уж писать – не обязательно. А в гимназии преподавали философию, словесность, грамматику, риторику, политическую экономию, историю, правоведение, математику, физику. С такими знаниями – только в университет. Кстати, обучались в той гимназии всего четыре года!

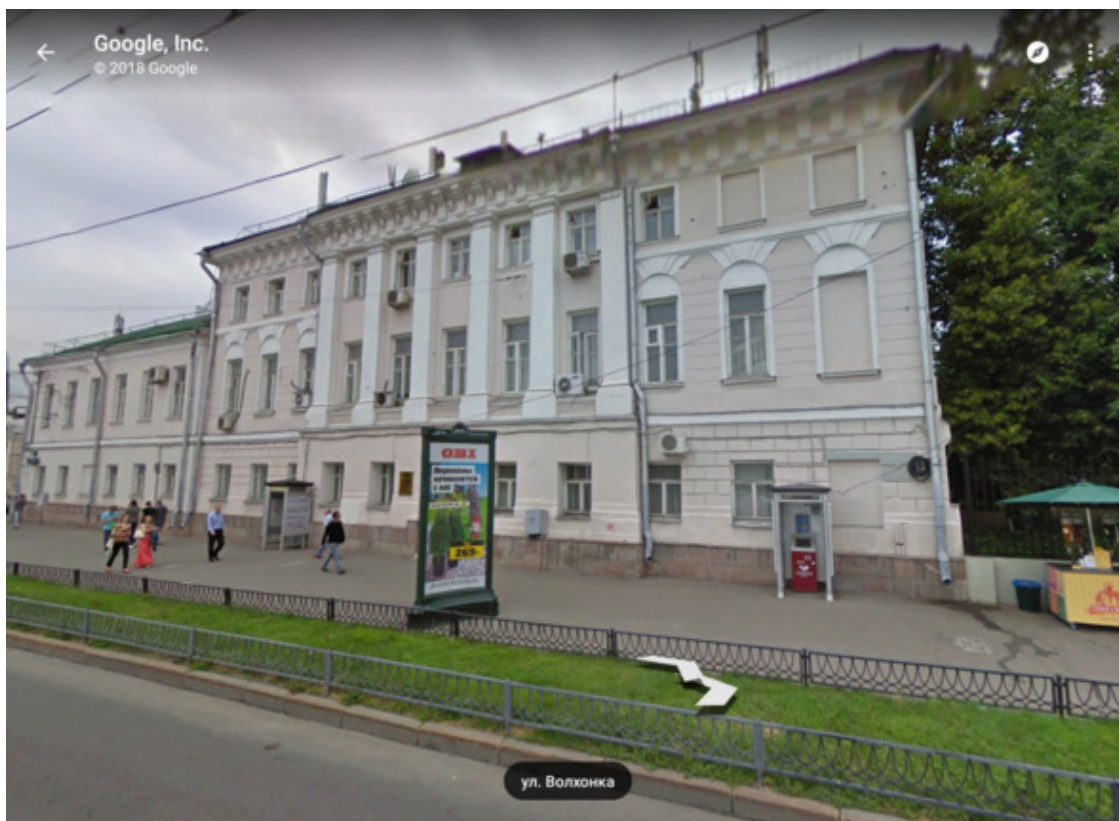
– Вот везучие! – позавидовал Илья. – всего четыре года – и в университет. То есть мне всего год еще отучиться и я бы студентом был?

– Нет, – улыбнулась Маша. – В гимназию поступали уже взрослые, двенадцатилетние мальчики. Да и не так уж сладко приходилось там. А за невыученные уроки и плохое поведение оставляли после уроков, лишали обеда или сажали в карцер.

– Куда?

– В такую комнату пустую и холодную. С крысами.

После этого Илья, конечно, перестал завидовать тем гимназистам. А еще он понял вдруг, что прошлое Москвы не сводится только к отсутствию высоких домов и скоростного интернета или, наоборот, к романтике и изяществу. Что все там гораздо сложнее. И гораздо интереснее.

Первая московская гимназия

• • •

Улица Волхонка, 18. Здание было построено в конце XVIII века, а в 1831 году перестроено для Первой московской казенной гимназии.

«Новый путеводитель по Москве» 1833 года сообщал: «В гимназии... воспитанники разделяются на 2 отделения: на благородное и на разночинцев; пансионеры благородного отделения платят 450 рублей в год... Разночинцы платят менее благородных, именно 250 рублей в год, имея от гимназии и платье».

В Первой казенной гимназии было регламентировано очень многое. В частности, существовало специальное руководство, содержавшее самые разнообразные рекомендации. К примеру, такую: «Стараться более учителя должны об образовании и изощрении разума учеников, нежели о пополнении и упражнении памяти; для изучения наизусть определяются токмо символ веры, молитва Господня, десять заповедей Божьих, молитвы прежде и после обеда, молитвы на сон грядущий и от сна восставших. Начинать при учении всегда следует с легкого и идти потом к трудному; спрашивать учеников не всегда сряду, однако же лучших всегда наперед, потом посредственных и наконец слабых. Ученики должны отвечать не „да“ или „нет“, но полною речью; лучшие, если они отвечают исправно своими словами, нежели теми, какие находятся в книге».

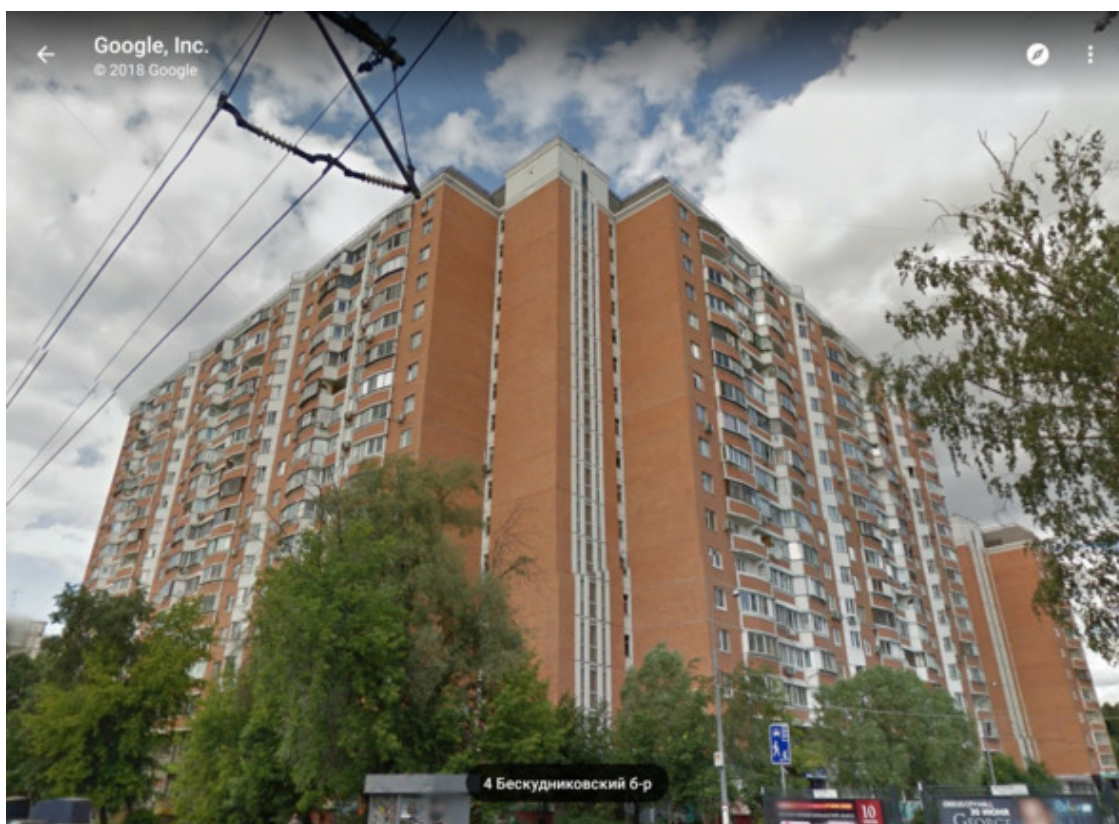
Тем более странными казались отдельные события, которые явно не укладывались в общий характер этого учреждения. В частности, именно здесь была впервые представлена публике картина Александра Иванова «Явление Христа народу». Это одно из самых «трудоемких» произведений изобразительного искусства – автор работал над ним двадцать лет.

Кот Матрос и напиток аршад

Всю дорогу до дома (сначала на метро, с пересадкой до «Петровско-Разумовской», а там еще и на маршрутке) Илья был тихим и задумчивым. Молча зашел в квартиру, вымыл руки, переоделся в домашний костюм. К нему подошел большой рыжий кот Матрос, однако же Илья лишь почесал его рассеянно между ушами. Более обстоятельных ласок и игр кот от своего хозяина на этот раз не добился, фыркнул и ушел на свое любимое место – в раковину. Такой уж был в семействе Ушаковых кот – любил свернуться калачиком в раковине, под зеркалом и полочкой с зубными щетками и прочими полезными вещами.

Задумчивым был Илья и когда сели пить чай. Мама испекла его любимый домашний торт тирамису, к тому же на столе стояла вазочка с трюфелями и большое блюдо с вафлями, печеньем и другими сладостями – правда, купленными в магазине, но все равно очень даже соблазнительными.

Но не манили эти сладости Илью. Он сидел и молча прихлебывал уже остывший чай. Мама, конечно же, насторожилась – вдруг сын болен, и надо вызывать врача, потом бежать в аптеку за лекарствами, отменять школьные занятия, словом вносить в размеренную жизнь непредвиденные и малоприятные изменения? Но Маша незаметно подмигнула маме, и мама более-менее успокоилась. Потому что Маша прекрасно понимала, что именно происходит с ее младшим братом. А именно: в сердце его зарождается большое чувство – сначала интереса, а затем, возможно, и любви к истории родного города. Ведь когда-то то же самое произошло и с самой Машей. И примерно в том возрасте, в котором сейчас пребывает Илья.

Дом Маши и Ильи в Бескудниковском переулке

В конце концов Илья отломил ложечкой кусочек торта и спросил:

– А как в Москве раньше делали тирамису? Тоже как-нибудь не по нормальному, а совсем по другому?

– Все еще страшнее, – сразу же заговорила Маша на свою излюбленную тему. Не было в старой Москве тирамису. Вообще не было.

– Я так и думал, – сказал Илья. – А что было? Ну, хотя бы из того, что на столе?

– Да практически все, кроме тирамису. Конфеты, печенье, пряники. Вафли, правда, считались изысканным деликатесом, стоили дорого и бывали далеко не в каждом доме.

– Вафли? Дорого? Да что же в них такого? – возмутился Илья, который вафли никогда особо не любил. Да и судя по цене, они все таки были сладостью второго, а может быть даже и третьего сорта.

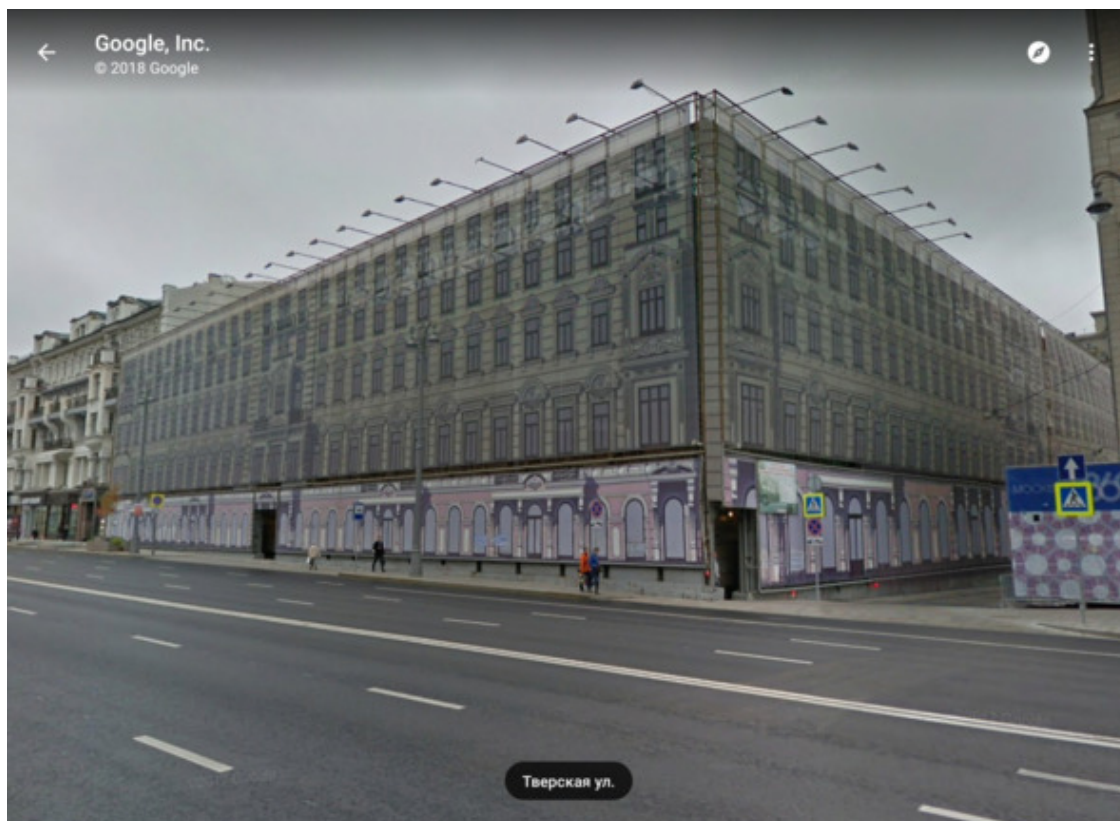
– Как что? Тончайшие пластиночки из теста. У нас их вообще не сразу научились делать. Поначалу вафлями в Москве торговали исключительно французы – у них вафли давно уже существовали. Вот и получилось, что французы оказались монополистами и задирали за свой товар немыслимые цены.

– Сколько?

– Ну, допустим, рубль. Но тогда это были огромные деньги. Даже страшно представить себе, сколько можно было на них купить, например, домашнего варенья. Трехлитровую банку, наверное. Ведь инфляция не только в наше время существует. Она была практически всегда.

– А где же в Москве продавали самые вкусные сладости?

– На Тверской, в булочной Дмитрия Филиппова. Помнишь, мы с тобой недавно проходили мимо, когда ездили в книжный магазин «Москва» за комиксами? Тебе еще тогда понравились большие стеклянные окна в кафе в этом доме. А мне наоборот – не понравились...

Филипповская булочная на Тверской

– Ну, все, Машка, хватит на меня ругаться.

– Да я и не ругаюсь. Просто надеюсь, что когда-нибудь ты тоже будешь радоваться приметам старины, а не современным переделкам. Ну да ладно. Хочешь, я прочитаю тебе рекламу булочной Филиппова?

– Давай, хочу, конечно.

И Маша достала с полки одну из многочисленных книг о Московской истории, быстро нашла нужную страницу и прочла: «Придворный Поставщик Д. И. Филиппов. Принимаются заказы для свадеб, балов и вечеров на мороженое, пломбир, крем, желе, парфе, от 2 р. 50 к. и дороже. Питье: аршад, лимонад, клюквенное, черно-смородиновое, вишневое. 1 ведро 3 р. 1/4 ведра 1 р.»

– Ничего не понял, – протянул Илья. – Что значит придворный поставщик?

– Это производитель товаров, которые закупались для царской семьи и ее приближенных. Примерно как сегодня звание «Официальный поставщик Московского Кремля».

– А что такое парфе? Парфюмерия? И кремы тоже парфюмерия?

– Нет, разумеется, кремы в тубиках здесь не при чем. Имеются в виду кондитерские кремы, которыми довольно часто украшают торты. Правда, сейчас существует мода на здоровый образ жизни, и люди стараются меньше есть этих сладких жирных кремов. А тогда их ели просто ложками, безо всяких тортов. А парфе – это французское блюдо, как и вафли. Только парфе – замороженный десерт со сливками и фруктами. Его и сейчас делают, но очень редко. Надеюсь, с питьем все понятно?

– Не совсем. Что такое аршад?

– Напиток из миндального молока с сахаром. Что такое миндальное молоко, объяснить?

– Нет, не надо. Нам про него учительница недавно рассказывала. Молоко из орехов. Ничего интересного.

– Может быть. Только вкусы меняются. И если раньше что-то нравилось людям, то со временем, возможно, разонравилось. Так очень часто бывает.

И тут Илья вдруг неожиданно почувствовал свою вину перед Матросом. Почему именно сейчас – совершенно непонятно. Миндаль зеленый, а кот рыжий. Может быть, потому что и миндаль, и молоко, и Матрос начинаются на одну букву, на «м».

«Вот, – подумал Илья, – я тут сижу, с Машкой про вкусные вещи разговариваю. А кот скучает в раковине, бедный».

И хотя Илья прекрасно знал, что коту в раковине очень нравится, что специально для него там лежит мягкий коврик, а все семейство Ушаковых исключительно в интересах кота не пользуется раковиной, а моет руки над ванной, он все равно пошел просить прощения у Матроса.

Потому что Матрос – это друг. А с друзьями нельзя долго находиться в ссоре.

• • •

Тверская улица, 10. Здание построено в 1897 году специально для Филипповской булочной. По легенде именно здесь был изобретен сдобный хлеб с изюмом – якобы в обычном батоне случайно оказался запекшийся таракан, и этот батон достался именно московскому губернатору Арсению Закревскому. Губернатор лично явился к Филиппову с батоном, а находчивый булочник соврал, что это не таракан, а изюминка, после чего проглотил кусок хлеба с тараканом, уничтожив таким образом улику. И чтобы окончательно отвести от себя подозрения, с этого дня начал действительно выпекать хлеб с изюмом.

Существовала еще одна легенда – якобы филипповские калачи были настолько хороши, что их по специальной технологии замораживали и доставляли в Санкт-Петербург, к царскому двору. А выпекать нечто подобное в самом Санкт-Петербурге не получалось – подвело качество воды в Неве, она была солоновата.

Впрочем, все это не больше чем легенды. Не исключено, что их распространяли сами владельцы булочной – для того, чтобы привлечь клиентуру.

Кстати, когда в начале двадцатого века установилась мода на стройных, даже худощавых барышень, Филипповская булочная одной из первых стала применять пищевые добавки, снижающие калорийность выпечки. Особых ухищрений не потребовалось – просто в муку стали добавлять солому.

По современным меркам ассортимент Филипповской булочной не был особенно замысловат – хлеб, сушки, сухари, баранки. Но дело было не в самом ассортименте, а в том, как приготовить и как подать продукцию. Качество филипповской выпечки всегда было отменным, а продавцы отличались учтивостью и виртуозностью – подбор и упаковка тех же сухарей иной раз представлял из себя целый спектакль.

Лифт и его окрестности

А на следующий день случилось страшное. С утра, как обычно, Илья пошел в школу. Но до школы не добрался – в лифте застрял. Поленился пешком пробежаться – и вот результат.

К счастью, Илью вытащили очень быстро – он даже испугаться не успел. Да Илья вообще не из пугливых – прошлым летом в деревне он даже козу за рогами чесал, а потом и воздушные шарики к рогам ей привязывал. А тут подумаешь какое дело – лифт. В городе все знакомое, не страшное. Нажал на кнопку вызова диспетчера – через двадцать минут на свободе.

Но не таков Илья, чтоб не воспользоваться ситуацией. Вернулся, конечно, домой. Родители еще раньше на работу уехали, а вот сестра только завтракала – у нее в институте был свободный день, так называемый библиотечный. Раньше считалось, что в этот день студенты должны в библиотеке сидеть и самостоятельно заниматься. А сейчас-то какая библиотека? Все в Интернете можно найти.

В общем, Илья решил соврать сестре, что испугался. И соврал. И так и не понял – поверила ему Маша или нет. Вроде сказала, что поверила. А вроде и смотрела с хитрецей.

– Бедный, – говорит. – как я тебя прекрасно понимаю! Ты же мог умереть!

– Почему умереть? – не понял Илья. – это же всего-навсего лифт.

– В том-то и дело, что лифт. Ты даже не представляешь, насколько опасная вещь. Вот слушай, я тебе прочитаю кусок из повести Бориса Зайцева «Голубая звезда». О том, как один раз воспользовался лифтом некто Никодимов, один из героев повести.

И, как прошлый раз, моментально нашла на своих полках нужную книгу, открыла на нужной странице и стала читать: «Он машинально вошел, машинально побрел к лифту. Зеленоватый сумрак был в вестибюле. Уже подойдя к самой двери, он на мгновение остановился, охнул. Рядом, улыбаясь, сняв кепи, стоял знакомый швейцар из Вены и приглашал войти. Никодимов бросился вперед. С порога, сразу он упал в яму, глубиной в полроста. Дверца лифта не была заперта. Он очень ушиб ногу, вскрикнул, попытался встать, но было темно и тесно. Сзади в ужасе закричал кто-то. Сверху, плавно, слегка погромыхая, спускался лифт. Никодимов собрал все силы, вскочил, до груди высунулся из люка.

Его отчаянный вопль не был уже криком человека».

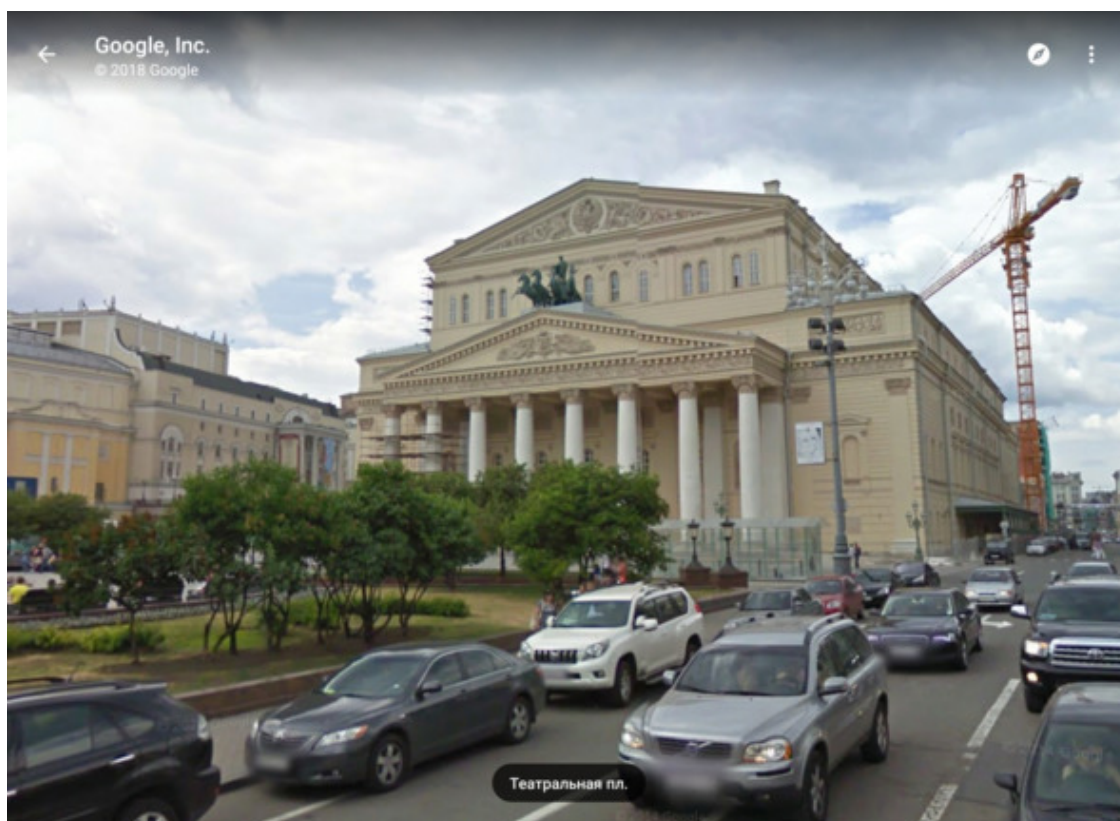
Лучше бы Илья уж пошел в школу. Подумаешь – опоздал бы на один урок. Все равно это математика, а он по математике один из первых в классе, его бы даже и ругать не стали. А тут – страшная смерть в лифте. Илья так явственно представил это. Затрясся весь, вот-вот заплачет.

– Не расстраивайся, – сказала Маша. – Это давно очень было, сто лет назад. Тогда лифты действительно были опасными, их только начинали выпускать, еще не научились делать так, чтобы без происшествий. Но сейчас современные лифты, и неприятности полностью исключены.

Понял Илья, что коварная Маша всего лишь решила ему отомстить – за то, что брат притворился испуганным. Хотел обидеться, а сам вдруг неожиданно спросил:

– А где в Москве был первый лифт?

– В Большом театре, в самом главном театре Москвы, – не задумываясь, ответила Маша. Очень-очень давно. А изобрел его инженер по фамилии Роллер. Представляешь как забавно – человек с такой фамилией изобретает лифт с роликами. Тогда еще и электричества не изобрели, а лифт уже был.

Большой театр – родина московского лифта

– Но как же он ездил-то без электричества? – удивился Илья.

– А очень просто. Четыре человека либо сматывали, либо наматывали толстые канаты. Соответственно, лифт либо поднимался, либо опускался. А если они выпускали канаты из рук, лифт стремительно падал вниз. И все умирали.

– Да ладно тебе, – крикнул Илья. – Я тебя раскусил. Хватит меня пугать, не испугаешь больше. И тогда, сто лет назад дети наверняка не боялись лифтов.

– Конечно не боялись. Наоборот – приходили в восторг. Ведь лифты были большой редкостью. Послушай вот.

И снова полки с книгами. Очередная книга – Анастасия Цветаева, «Воспоминания». О чем это там вспоминала неизвестная Анастасия Цветаева?

А Маша читает уже: «И вот мы стоим перед тем, что давно обсуждают в Москве и рассказ о чем – сказочен: лифт. Комнатка, светлая, как сам свет, легко, воздушно скользит вверх и вниз, увозя и привозя дам, господинов, детей, проваливаясь в пролеты этажей с бесстрашием колдовства, выныривая из пропасти с неуязвимостью заколдованности... Стоять и смотреть! Без конца!.. Ноги ступают как в лодку, упругую на волнах, и, объятые блеском, точно ты в зеркале, мы медленно скользим вверх мимо проплывающих потолков (он потолок и пол сразу)».

– Вот это да, – протянул Илья. – Вроде бы известная вещь, а так замечательно про нее написано.

– Это называется «свежий взгляд», – пояснила Маша, – Когда человек к чему-то привык, он этого не замечает. А если не привык, и смотрит свежим взглядом – удивляется и восторгается.

– А кто была эта Анастасия Цветаева?

– Обычная московская девочка. А вот сестра ее стала знаменитой поэтессой. Марина Цветаева. Вам не читали ее стихотворения в школе?

– Нет, вроде бы нет. Но фамилию я все равно где-то слышал. А где же находился тот чудесный лифт из воспоминаний?

– В магазине «Мюр и Мерилиз».

– Кто и кто?

– Мюр и Мерилиз. Два иностранца, которые примерно сто лет назад открыли в Москве огромный универсальный магазин. Если хочешь – поехали туда прямо сейчас. Все равно мне нужно из одежды кое-что купить. Да и тебе не помешают новые ботинки.

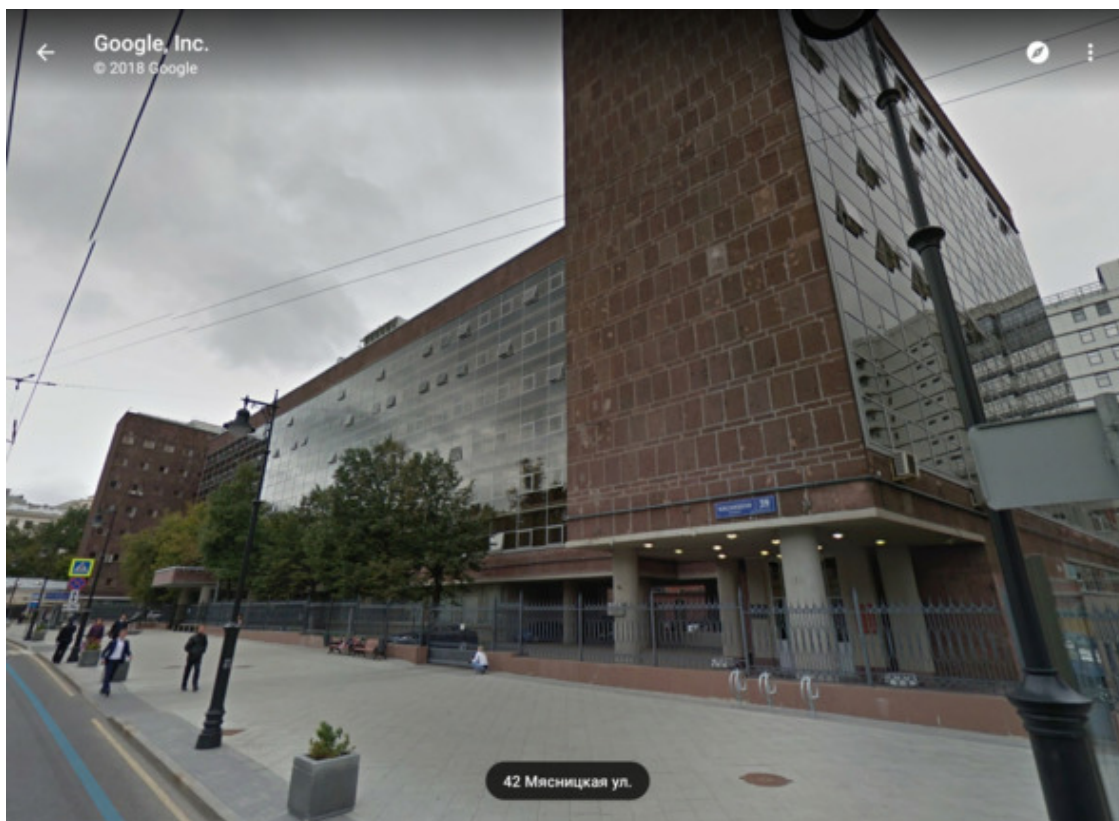
– Поехали, – обрадовался Илья. – Ты свой библиотечный день прогуляешь, я школу. Вот здорово!

Эти слова Ильи не слишком-то обрадовали Машу. Но слово сказано, отступить некуда. И спустя двадцать минут брат и сестра уже выходили из квартиры. Маша, конечно же, опять взглянула хитренько, предложила спускаться по лестнице. Но Илья мужественно выбрал лифт.

А перед выходом Илья бросил взгляд в ванну, и увидел, что в раковине как обычно сидит кот Матрос и машет ему лапой. Хотя это, конечно же, показалось Илье – ведь всем известно, что коты махать лапами в принципе не умеют.

• • •

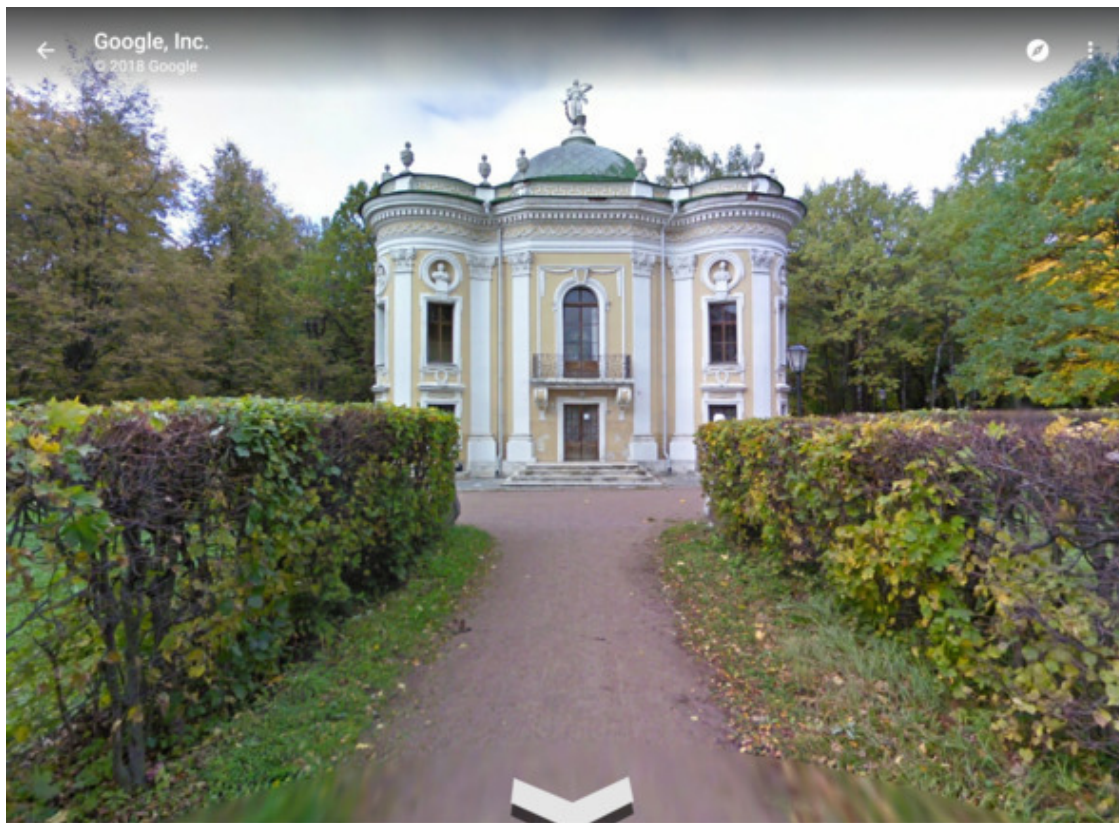
Мясницкая улица, 39. Дом в строгом конструктивистском стиле был построен в 1935 году французским архитектором Ле Корбюзье для Наркомата легкой промышленности. Вместо обычного лифта этот дом был оборудован так называемым патерностером – открытые кабинки с одной стороны непрерывно поднимались, а с другой непрерывно опускались. Всклывать в кабинки и выскакивать из них следовало прямо на ходу. Само же название «патерностер» произошло от латинского слова «четки».

Мясницкая улица, дом с патерностером

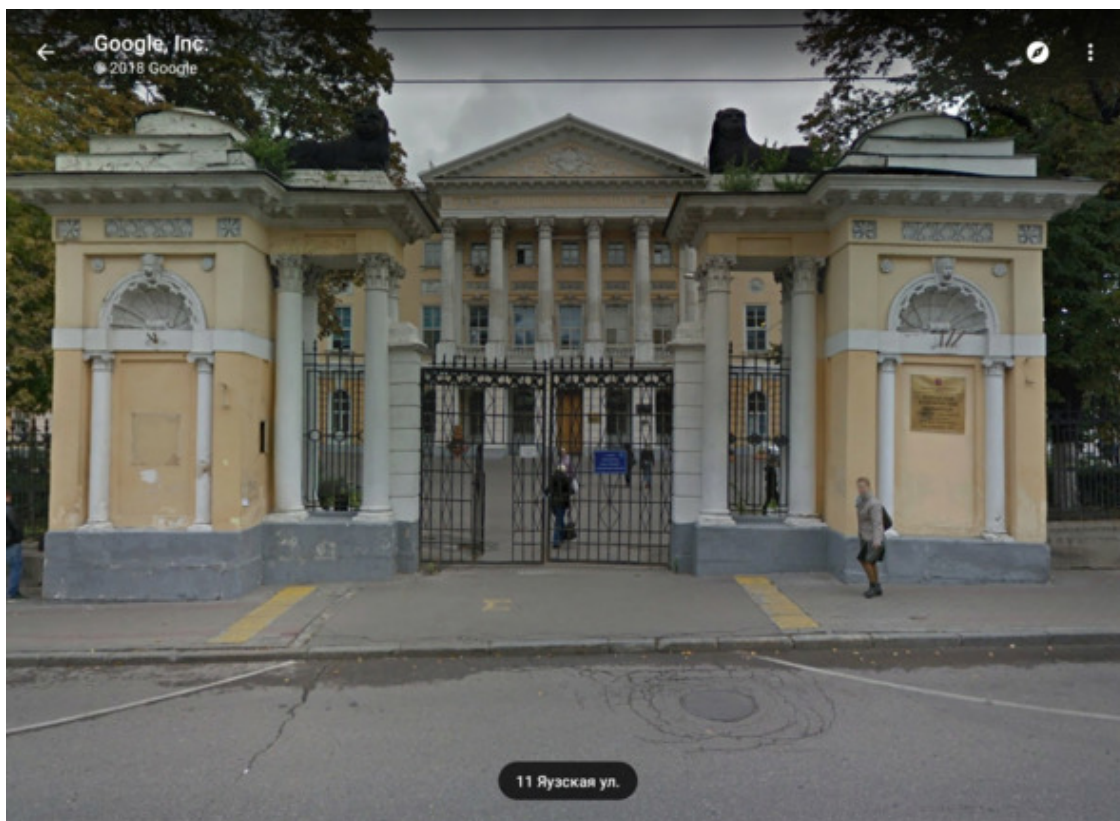
Первый же лифт, построенный в России находился в нынешних границах города Москвы – в усадьбе Кусково. Правда, тогда она еще считалась подмосковной. Этот лифт

был спрятан в павильоне «Эрмитаж» и перевозил не людей (подобное считалось делом очень рискованным), а еду и напитки. Лифт представлял из себя стол, оборудованный на вершине пневматического поршня. Хозяин Кускова, граф Николай Шереметев любил удивить своих гостей. И они невероятно изумлялись, когда вдруг раздвигался пол, и из него вырастал стол, уставленные дорогими деликатесами.

Усадьба Кусково, павильон «Эрмитаж»

Но наибольшее внимание москвичей вызывали секретные лифты. Один из них был расположен в усадьбе Баташовых на Таганке. Его шахта представляла из себя единый комплекс вместе с широким подземным ходом. В случае необходимости в лифт заезжала довольно вместительная коляска хозяина, запряженная тройкой лошадей. Лифт опускал коляску к подземному ходу, и дальше, уже по нему, хозяин мог тайно переместиться на противоположную сторону реки Яузы, где был также оборудован секретный выход из тоннеля, но уже без лифта.

Усадьба Баташовых с тайным лифтом

Первый московский мегамолл

И что же оказалось? Обманула Машка! В результате приехали не к каким-то там загадочным иностранцам Мюру и Мерилизу, а в самый обыкновенный ЦУМ на улице Петровке. Илья прекрасно знал этот магазин, несколько раз там бывал, хотел было обидеться, но решил на всякий случай не спешить, высказать претензии, прояснить ситуацию. И высказал.

– Да, все верно, – ответила Маша Илье. – Это именно ЦУМ – Центральный Универсальный магазин. Но это название он получил уже в советское время. А поначалу назывался «Мюр и Мерилиз» – в честь своих владельцев. Это часто бывало в старой Москве. Да та же булочная Филиппова, о которой я тебе недавно рассказывала.

– Ну и что в этом особенного? – продолжал недоумевать Илья. – Мы ж сюда не только за ботинками приехали. И не за твоей одеждой. У тебя ее и так полно, в шкаф не влезает.

Маша, конечно же, сделала вид, что не услышала последнюю фразу Ильи – отвечать на нее было бы не педагогично. Ответила только на первую часть вопроса:

– Вот ты говоришь, что был здесь много раз. Но ведь сознайся, ты смотрел только на вещи, которые тут продаются. Само здание наверняка не разглядывал. Ни внутри, ни снаружи. А ведь это уникальный памятник. Магазин «Мюр и Мерилиз» был первым крупным универмагом Москвы, специально предназначенным для того, чтобы покупатель мог приобрести в одном месте все, что ему нужно. Для таких же целей создаются современные мегамоллы. Но сравни современные совершенно одинаковые коробки со стеклами и вот эту красоту.

Илья сравнил. Впервые. И вдруг понял, что действительно ему гораздо больше нравится именно это здание. Башенки над угловым входом, сам угловой вход балкончик над ним, полукруглые окна с забавными стрелочками. Ну казалось бы, зачем большому магазину балкон? Зачем стрелочки? Не нужны совершенно! Но тем не менее, как с ними хорошо!

– А чем здесь торговали? – спросил Илья у сестры.

– О, об этом тоже существует множество воспоминаний современников! – воскликнула она.

«Ага, как интересно это звучит – воспоминания современников,» – подумал про себя Илья.

А запасливая Маша достала из сумочки маленькую книжечку, открыла на нужной странице (когда только успела положить закладку) и начала читать:

«Любопытную витрину устроили у «Мюра и Мерилиза»: большой плац перед казармами. Несколько десятков кукол, наряженных в германские военные мундиры, маршируют, стоят во фрунт, занимаются гимнастикой. Генерал гарцует на лошади. Перед витриной – толпа.

Детишек прямо не оторвешь...

Толкотня, конечно, на верхнем этаже, на «Рождественском базаре». Елочные украшения, кучи игрушек: заводные зайцы, плюшевые обезьяны, аэропланы, дирижабли...

У детей разбегаются глазенки».

– Что это? Чьи воспоминания?

– Да это толком не воспоминания, – призналась Маша. – статья из газеты. Ведь раньше тоже существовали газеты и они описывали явления городской жизни, в том числе и торговые. А этот магазин был очень видным явлением. Здесь даже практиковалась торговля по каталогу. Покупатель выбирал из каталога то, что ему хочется, делал заказ и через некоторое время получал посылку с товаром. Правда, было проще попросить зайти кого-нибудь из родственников. Вот, например, о чем просил Антон Павлович Чехов свою сестру, будучи в Ялте. Сестру, кстати, звали так же, как и меня:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.